

Анна
АВЕРЬЯНОВА

СДЕЛКА

Москва · 2018

12+

Анна Аверьянова

Сделка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Аверьянова А. В.

Сделка / А. В. Аверьянова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

«Сделка» - это современный остросюжетный иронический эзотерический роман о том, как советский инженер Затюкин продал свою душу дьяволу в 1984 году и затем, после многократных попыток вернуть свою душу, вступил во вселенский бой с тёмными силами в 2017 году. Вы получите огромное удовольствие от языка, иронии, узнаваемых характеров, эзотерической составляющей романа, и, возможно, найдёте для себя ответы на свои жизненно важные вопросы - о смысле жизни, о нравственности, о вине и о прощении, о силе духа и силе воли. Настоящая литература для литературных гурманов. Роман "Сделка" участвовал в конкурсе Союза писателей-переводчиков Московской городской организации Союза писателей России и получил Диплом литературно-общественной премии "Гранатовый браслет" имени великого русского писателя Александра Ивановича Куприна (1870-1938). 22 июля 2020 года Диплом и медаль за роман автору вручил Председатель Правления Московской городской организации Союза писателей России - Бояринов Владимир Георгиевич.

© Аверьянова А. В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Часть 1

(Часть 1-я, в которой инженер Затюкин под давлением обстоятельств в порыве отчаяния продаёт свою душу, время действия 1984 год.)

Вступление

Первое слово – это так важно. Первая интонация – и Вы загубили свой труд, если она неверна. А если же она не фальшива, то Вы легко летите от начала своего повествования к его концу. Кажется, всё уже продумано до мельчайшей детали, до едва уловимой морщинки на лице героя. Но нет же, рука не поднимается. Будто бы и не рассказывать вовсе нужно, а из хрупкого мраморного монолита извлечь прекрасную Галатею, чтобы потом полюбить её. И дни проходят.

Но сколько можно ждать?.. Вот уже они, мои герои, по вечерам возникая передо мной, призывно смотрят на меня: «Ну что же ты медлишь?» А бывает даже уже и то, что они избегают смотреть мне в глаза. Нельзя более медлить. Час пробил. Вперёд!

Итак ... Итак, с чего же начать рассказ об этом необычном дне в жизни моего героя. С утра? Но утро было совсем обыкновенным. Погода разве что была особенной: снег, ветер. Хотя в феврале много таких дней случается.

В общем, все было как всегда, как у многих из нас. Погревшись и даже вздремнув в тёплом автобусе, стоя как птенец императорского пингвина, забравшийся в центр стаи, наш герой вынырнул из ставшего таким родным автобуса навстречу освежающему февральскому ветру. Арка, под которую ежедневно проходил он, превратилась в аэродинамическую трубу. Двери его родного института не хотели открываться, да и закрываться не особенно хотели. Вахтерша устало-снисходительно приказывала: «Закрывайте за собой двери!»

Но вот, наконец, он благополучно засвидетельствовал своё своевременное появление на рабочем месте.

– Нет, Затюкин! – (К моему стыду, я должна сознаться, что фамилия героя моего была Затюкин. Не Алмазов, не Богомазов, а просто: Затюкин. Да и работал он не «завом» и не «замом», а простым инженером, даже не старшим. Так было угодно судьбе.) – Вы только посмотрите, что здесь написано! Завтра, то есть уже сегодня, ожидается потепление, местами небольшие осадки, туман. Я Вас спрашиваю, где – туман? – обратилась к моему герою дама.

Она, вероятно, пришла немного раньше, потому что в комнате пахло рижским лаком для ногтей, духами «Агат» и ещё чем-то то ли болгарским, то ли французским. Миловидное личико с негодованием вопрошало Затюкина.

Но Затюкина в данный момент более волновало другое. Он наивно-заинтересованно заскользил взглядом по бёдрам своей собеседницы, которые были упакованы во что-то необычное, но фирменное. «Бешеные деньги,» – подумал было Затюкин, но мысль его была прервана новым восклицанием молодой дамы.

– Где потепление, где туман? За что им там деньги платят?!...

Она, видимо, еще хотела что-то сказать, но Затюкин, более неожиданно для себя, чем для неё, начал нечто говорить извиняющимся голосом.

– Наталия Константиновна... Вы... Я... но, как сказать... Скажите, а вот эти брючки, как называются? Ну, я хотел спросить, это что, и есть те самые «варёные», о которых Вы, давеча, по телефону говорили?

– Они, они. Ах, как Вы оригинальны, Затюкин, даже в таком деле как комплименты дамам! Я люблю Вас, Затюкин, в Вас нет банала! – она уже потянулась поцеловать смущенного инженера, но непредсказуемая её мысль продолжала работать. – А самое главное, что эта

прелесть досталась мне совсем даром – всего сто пятьдесят. Вы не поверите, это счастливый случай! Только я подумала...

Затюкин так и не узнал, что же подумала Наталия Константиновна, потому что зазвонил телефон, и его вызвали. Вызывать могли только Затюкина, потому что Наталия Константиновна была женщиной практичной и совсем не глупой. Выполняли они с Затюкиным почти одну и ту же работу. Но она сумела поставить дело так, что все, кому нужны были её услуги, приходили к ней и оставляли свои бумаги. А начальство само заглядывало к ней и, что надо, подписывало. Она всем улыбалась лучезарною своею улыбкою и непременно вводила в мир самых последних печатных и непечатных событий. На неё нельзя было не то, что повесить голос, но и нельзя было в душе осердиться.

Более того, многие начальствующие персоны с удовольствием заходили к ней просто так, наоборот, даже используя предлог спросить лишний раз: «Нет ли чего для подписи». И всем, всем она была рада. Она могла помочь страждущим подписать любую бумагу у самого грозного и непробиваемого чинуши, будь он в самом что ни на есть скверном расположении духа. Все были влюблены в Наталию Константиновну, и мужчины, и женщины, все по-разному, но все – очень.

Совсем не то было с инженером Затюкиным. Ему постоянно кто-то что-то выговаривал, выражал недовольство. Он мог пробежать за день десятки километров с одною и тою же бумажкою, так и не подписав её. Он всегда видел перед собою либо спины, либо закрытые двери. Но больше всего он вредил себе тем, что время от времени рождал очередное изобретение, в котором никто не мог (читай – не хотел) разобраться. Всеобщему раздражению не было бы конца, если бы не Наталия Константиновна, с которою он вместе сидел в одной комнате. Она была его добрым ангелом. Поговаривали даже, что ей удалось однажды подписать Затюкинские прожекты, правда, без упоминания этой неблагозвучной фамилии. Но Затюкин, в общем-то, был бескорыстен, и эта удача окрылила его.

Вот и в этот день происходило всё, если так можно выразиться в общем смысле, по расписанию. Ничего особенного. Вот только погода после обеда заметно изменилась. Ветер стих, и как-то сразу потеплело. А немного погодя и туман появляться стал. Хотя, пожалуй, было ещё одно событие – получение аванса.

Затюкин и забыл бы о нём, да Наталия Константиновна заботливо напомнила ему про аванс. А деньги Затюкину нужны были, денег ему хронически не хватало. Подбежав к кассе, он испуганно стал стучать в закрытое окошко. Оно распахнулось, и у Затюкина даже отлегло от сердца.

– А, Затюкин, небось, денежки не нужны, что не торопишься, никак богатенький стал, – ехидно пропела кассирша института Глафира Матвеевна, которая наизусть знала у кого какая зарплата и могла это сказать в любое время и в любом состоянии. – На, расписывайся!

Затюкин взял ведомость и поглядел исподлобья на кассиршу и на её нереально огромный бюст.

– Здесь только сорок, а у меня всегда сорок пять было.

– Ну, Затюкин, ты точно с Луны свалился. Всем ясно было объявлено. Что взносы теперь бухгалтерия высчитывать будет.

– Ну почему пять рублей?

– Нерадивый ты наш... почему-почему. Для круглого счету, остаток к получке приплюсуют.

– А-а, ну если так... – бормотал Затюкин, пересчитывая синие бумажки.

– Ну что, все? – хихикнула кассирша и закрыла окошко.

– Все, – вздохнул Затюкин и пошёл собираться домой.

Что и говорить, деньги греют душу. Затюкин медленно шёл по улице и отважно присматривался к витринам магазинов. Он даже зашёл и купил пачку бутербродного масла, а потом,

проходя около «Даров природы», растратился на баночку мёда. «Ну и что, два двадцать, десять копеек баночка, баночку можно сдать. Что же это я, с аванса ничего для Дунечки и купить не могу?»

Дунечка. У инженера Затюкина была Дунечка. Нежная, любимая. Он любил её без памяти, стыдясь своего возвышенного чувства. Он любил смотреть на неё, когда она, сидя у лампы, зашивала себе чулки, когда гладила бельё, игриво поглядывая на него, когда подолгу стояла под душем, тихонько смеясь ему, когда он приносил ей полотенце или банный махровый халат. Надо отметить, что она была немного рассеянной и почему-то всегда что-нибудь забывала. Но Затюкин и сердиться-то на неё не мог, он покорно шёл перебирать её бело-розовый хаос, отыскивая что-нибудь непременно шёлковое, или непременно с кружевами. Затюкин понимал, что он не достоин её.

Он отдал бы всё на свете, чтобы Дунечка его полюбила так же сильно, как он сам её любил, чтобы она, наконец, гордилась им. Но нет, нет, он не достоин её. Хотя она вот уже два года была его верной женой и не раз шептала ему: «любимый», Затюкин понимал, что это только мгновенное снисхождение к нему. Настолько мгновенное, что даже тюльпаны цветут многократно дольше. Он ясно давал себе отчёт в том: что его умная, красивая и заботливая жена несравненно выше его во всём, кроме... Но об этом «кроме» немножко попозже. Сейчас только замечу, что это вот самое «кроме» и поднимало его в его собственных глазах, скажем так, на достаточную высоту. Здесь же необходимо сказать несколько слов о Дунечке, жене и предмете любви инженера Затюкина.

Пухлый бело-розовый младенец покорила всех ещё в роддоме. У девочки были тёмные волосики и большие чёрные глаза. А голос, у неё тогда уже был не крик, а голос, он был тёплым и мелодичным. Такому ребёнку нельзя было давать обычное имя. Совет бабушек решил, что девочка должна стать Далилой. Откуда, почему, сейчас и выяснить уже нельзя по причине смерти обеих старушек. Но имя всем понравилось. Даже в ЗАГСе не спорили долго.

Однако же, когда девочка подросла, она стала избегать своего имени и сама себя называла Дуней. Мать очень сердилась на неё за это. Но Дуня была не только красива, но и упряма.

Может быть, именно Дунино упрямство и сыграло роковую роль в судьбе инженера Затюкина. Когда ему среди своих бывших однокурсников случилось быть в доме Дунечки на свадьбе своего единственного друга Феди и старшей Дунечкиной сестры Татьяны, он, к своему ужасу или, может быть, наоборот, избыточно сильному желанию, оказался за столом рядом с Дунечкой. Несомненно, с первой же минуты его поразила её красота. Он не сводил с Дунечки своего восхищённого взгляда весь вечер, на что Татьяна вовсе безобидно заметила:

– Ой, Федя, погляди, скоро и друга твоего в ЗАГС отведут!

– В рай, в ад, в ЗАГС – куда угодно, только вместе! – захлёбываясь от переполнявших его чувств, изрёк Фёдор. О, благие порывы.

Негромкие Татьянины слова были всё же услышаны Дунечкой. Она вся так и вспыхнула, но, однако же, встала и громко сказала, наверное, и сама не понимая – зачем.

– А вот возьму и отведу!

Мать Дунечки, зная дочернее упрямство и с ужасом поглядев на неказистого от собственного смущения Затюкина, тихонько зашептала своей младшей любимице:

– Что ты, Далилочка, что ты говоришь, да ты посмотри на этого замухрычичика! Брось глупости, я тебе джинсы куплю.

Однако своим испугом она только подлила масла в огонь, который, быть может, не обрати на него никто внимания, погас бы сам собой. Но слово произнесено и, как верно кем-то было замечено, его уже никому не дано поймать. Дунечка, а не Далилочка, поджала губки и ещё громче, очень твёрдо произнесла.

– Джинсы из моды давно уже вышли, мамочка. Не хочу джинсы. Я его хочу. И мы завтра же пойдём в ЗАГС. Вот встань и скажи мамочке, – обращаясь уже только к Затюкину, но также громко продолжала Дунечка, – что мы завтра же пойдём в ЗАГС.

Целый компот чувств раскипелся в душе Затюкина: восхищение, трепет, страх канатоходца, работающего без страховки, стыд за то, что он не так высок и красив, как его друг Фёдор.

Хотя, впрочем, честно говоря, он был не то, чтобы красавцем, но была, была в нём какая-то чисто мужская красота. Не та красота смазливых мальчишек, которая сводит с ума девочек и пожилых дам, и которая даётся всего на несколько лет, а потом плавно переходит в обрюзглые овалы. Другая красота, когда мальчишки-подростки вдруг, однажды, из гадких утят превращаются в белых лебедей, да нет же в кречетов, и уже мужественные их тела остаются такими до самой смерти.

Тонкий орлиный нос Затюкина, казалось, ещё больше заострился, губы от напряжения сжались, глаза засверкали. Клянусь, он был красив в эту минуту!

Он был похож на Александра Македонского перед атакой, разве что сидел на стуле, а не на вставшем на дыбы боевом коне. Мгновение. Так быстры потоки мыслей, что, кажется, будто время остановилось. Нет, Затюкин не боялся ответить «да», он боялся, что это – сон, обман, боялся скандала на свадьбе друга и, всё-таки, он уже решился на эту дерзость. Мгновение молчания показалось слишком долгим и Дунечке. Она под столом повелительно-тихонько толкнула ножкой в австрийской с бантиком туфельке сидящего рядом Затюкина. Он же, ошалев от прикосновения этого божественного существа, вскочил и решительно произнёс:

– Мы завтра же, непременно пойдём в ЗАГС.

Ответом ему был громовой хохот Фёдора.

– Ну ты, Тюка, даёшь, завтра же воскресенье! Кто же в воскресенье у вас заявление примет?

За столом опять воцарилось веселье. Как нельзя кстати кто-то включил музыку и молодёжь вскочила танцевать. «Рашен лавер Распутин» – вместе с каким-то басовитым исполнителем выкрикивали гости.

Казалось, вот и обошлось. Но Дунечка была не такова. Она не была бы Дунечкой, если бы не довела дело до конца, то есть до ЗАГСа. Да и Затюкин был, в общем-то, парень не промах. Одно слово – кречет. Уж если на то пошло, так родись он в другое какое время, может, и был бы он Спартак или Александром Македонским. Но, увы, увы... Хотя до свадьбы он не чувствовал себя в чём-то ущемленным. Он был уверен в себе, регулярно ходил в спортзал и в «Лазню» (самую популярную баню в Минске). Не знал он тогда, что для мужчины, и тем более для мужа, ничего нет унижительней низкой зарплаты.

Муж, мужчина, несёт своей возлюбленной сорок рублей. Да нет же, не сорок уже, а тридцать семь рублей с копейками. Не бриллиантовые россыпи, не море цветов, не французские духи, наконец, а тридцать семь рублей с копейками. О, как это унижительно! Он был готов за такое унижение вызвать на дуэль весь мир, но... Хотя Дунечка не корила его за маленькую зарплату, но как ему горька была её искренняя радость, когда ей удавалось купить банку тюльки. «Почему?» – думал Затюкин. – «Почему?!»

Вот тут и возникает то самое «кроме», потому как он смел догадываться, что он не совсем заурядная натура, что он бы мог быть более полезен обществу и соответственно получать немножечко больше от него. Мысли его естественно переходили в другое русло – широкое, свободное. Думал он о том, что не может коллектив создать чудо-чип. Нет, это какой-нибудь заграничный Циолковский придумывает эти штучки. Но даже имени ЕГО никто не знает. А ведь какая лёгкость мысли! Затюкин рисовал в воображении портрет этого гения компьютерной техники, а потом пытался быть на него похожим. Когда он брал в руки очередную импортную новинку, когда изучал втихую от начальства её возможности, он уже каким-то своим особым чутьём понимал: «Это ЕГО работа». Или же: «Нет, не ЕГО, это – бездарно».

Он исследовал всё новые и новые схемы с каким-то нечеловеческим азартом. Он следил за движением ЕГО мысли. Он разгадывал ЕГО. Он хотел постичь ЕГО тайны, и начинал понимать их. Да, если этот некто ОН был Циолковским, то Затюкин считал себя уже Королёвым. А они, они, эти чинуши, поворачиваются к нему спиной и закрывают двери. «Пускай, – думал Затюкин, – пускай! Придёт же когда-нибудь и мой звёздный час, и мне нужно встретить его с достоинством. Нужно быть всегда готовым к своему звёздному часу» ...

Звёзды. Совершенно естественно Затюкин переходил и к звёздам. У него было своё мнение и по поводу чёрных дыр, и по поводу теории относительности и ещё, ещё... А Эйнштейна Затюкин не уважал. То есть не то, чтобы совсем не уважал, но уважал меньше, чем полагалось в соответствии с имеющимися в учебниках дифирамбами. Да и за что его было уважать? За формулу связи энергии с массой? Ну так её же ведь задолго до него Оливер Хэвисайд вывел, ещё этот малоизвестный англичанин и телеграфное уравнение вывел, да и два провода мы скручиваем тоже по Хэвисайду. Нераскрытая личность. А этот радикал в теории относительности! Так его же Лоренц записал.

А почему они этой ерунды про близнецов и укорочение размеров не наплели, так это потому, что они знали, что из чего получается. Они знали, что результат данного физического опыта есть результат данного физического опыта, и проведённого, причём, во вполне определённых условиях. А вот если абсолютизировать результат этого опыта, да ещё и абстрагироваться от конкретных условий его проведения, то можно и до близнецов договориться. Странно как-то, вот когда мы телевизор смотрим, и у нас изображение сжимается, или ещё как-нибудь там искажается, мы же не говорим о «сжимании диктора» или о «растяжении вектора времени». Все знают, что диктор пребывает в собственных размерах и время на его часах такое же, как и у нас. Происходит искажение информации о дикторе из-за различного рода помех, а то и из-за неисправностей в телевизоре. Будьте спокойны, Ваш близнец умрёт примерно в то же время, что и Вы, будь он даже на какой-нибудь Альфа-Кентавре. Но вот информацию о его смерти Вы действительно не получите, а получают её Ваши потомки.

А этот Козырев-недоучка со своими «векторами времени»! Да и недоучки же ему и отвечают. Наверное, и первоисточников не читали никогда. А если и читали, то не разобрались. Кишка слаба. Эксперимент – дело серьёзное. Чтобы теорию хорошо знать, сначала нужно хотя бы самому экспериментами позаниматься, да не просто экспериментами, а их обработкой. А то ишь ты, гироскопчик крутит, водичку льёт в термос и на-те: «вектор времени сжимается», «вектор времени разжимается». Ух ты! А вот если поставить рядом песочные часы и маятник с металлическим шариком, да магнит поставить рядом. Шарик к магниту прилипнет, а песочек будет сыпаться. Что же это получается, раз маятник не качается, так и время остановилось?

Да для любого вида часов можно найти условие их остановки. Вот, скажем, человек может жить лишь при определённой температуре тела определённое количество лет. Вариации этих параметров не так уж велики. А вот в ледниках находят микроорганизмы, которым несколько тысяч лет. Вот и получается, что время своё они при определенных условиях растянули. Да и вообще, любая физическая величина, будь то время или гравитационная постоянная, определяется только по некоторому изменению каких-либо физических объектов или их состояний, да ещё посредством некоторого информационного носителя, который сам является физическим объектом. Вот и получается, что у каждого объекта своё время, да к тому же не всегда это время можно сопоставить со временем принятого за эталон объекта или процесса. И прочее, прочее...

От этих мыслей лицо Затюкина светлело, нижняя губа становилась толще и мягче, расплываясь в улыбке. Он вновь становился красив и уверен в себе. В кармане его лежал аванс в размере оставшихся тридцати семи рублей с копейками, а в дипломате лежала пачка бутербродного масла и маленькая, но приятно тяжёлая баночка мёда. Впрочем, в таком приподня-

том настроении он не замечал не то что веса дипломата, но и своего собственного. Он парил в пространстве, как горный орёл над тщетностью бытия этого мира.

Приятно щекотало его самолюбие осознание того факта, что он, Затюкин, разгадал загадки гравитации. Да-да, и в этом вопросе Затюкин был на высоте. Необходимо сразу же заметить, что он не признавал гравитонов, он считал их досужей выдумкой недоучившихся теоретиков. Увы, к своему стыду, должна я заметить, что герой мой был невысокого мнения о теоретиках. Именно их верхоглядству и непониманию сути экспериментов он приписывал появление на свет таких химер, как гравитоны, чёрные дыры и проч., проч. Он был твёрдо убеждён, что сила тяжести есть проявление электромагнитных свойств физических тел. Он даже рассчитал гравитационную постоянную, исходя из своей теории. Нет гравитонов. Есть диполи. Как всё здорово совпадало с его теорией, основанной на знании эксперимента и на здравом смысле.

Кстати, и гироскопчик Козыревский с термосом он рассчитал по своей теории, чудно получилось. Всё совпало. Гироскопчик крутится, значит, движутся заряженные частицы, есть изменение электромагнитного поля, вода льётся холодная в горячую – обмен излучением, тоже возмущение электромагнитного поля. Вот эти-то поля и взаимодействуют друг с другом и с несравненно большим по величине полем Земли. А главное граммы эти получились. Порядок совпал.

Но вот и новая загадка встала перед Затюкиным. Как же при смешении холодной и горячей воды происходит обмен энергией от «горячей» молекулы к «холодной». Как изменяются энергетические уровни? Вопрос. Интересное явление. Что если его в компьютере использовать? Ну, например, в памяти...

Одно только смущало Затюкина, это конечность скорости света и ещё большая скорость проявления гравитационных процессов в бесконечной Вселенной. Если вдруг от взрыва разваливается какое-либо астрономическое тело, то почему Вселенная реагирует на это мгновенно. Хотя сигнал о видимых изменениях положения планет доходит всё равно со скоростью света. Ведь если есть взаимодействия, которые распространяются со скоростью быстрее, чем скорость света, то можно построить летательные аппараты, которые будут перемещаться со скоростью большей, чем скорость света.

Ох, дух захватывает! А вот и родной подъезд.

Около подъезда стояла Варвара Никандровна – местная долгожительница и энциклопедия одновременно. Она была чем-то очень взволнована и кого-то ругала на чём свет стоит. Стоявшая рядом с ней миловидная женщина по имени Галина, недавно родившая, наконец, мальчика после четырёх девочек, невольно вынуждена была слушать разошедшуюся старушеницу, так как не могла отойти от детей. Проскользнув мимо них, Затюкин весьма вежливо поздоровался и даже улыбнулся.

– Добрый день!

– День добрый, милоч, день добрый, – зашипела Варвара Никандровна. – Да только какой же он добрый? Слышал, бури-то какие? Маг-нит-нья! Голова будто в обруче железным. Таблетки не помогают. Нечиста сила этта бури крутит. Не добрый день этта...

Затюкин ещё раз улыбнулся наивной старушенице и мягко закрыл за собой дверь. Какой-то вот только червячок поселился вдруг в его нежном сердце. Так и застряли в его мозгу слова эти глупые: «Не добрый день этта...»

Затюкин медленно поднимался по лестнице. С каждой ступенькой улетучивался его счастливый вид и вместе с тем его красота. С каждой ступенькой его дипломат становился тяжелее, и всё более втягивалась в плечи его голова. Невыносимой душевной мукой становились тридцать семь рублей с копейками, эта сумма именно своей малостью жгла его сердце.

Тяжело было Затюкину, непостижимо тяжело. Он уже представлял натянутую Дунечкину улыбку, вот уже год как застывшие бархатные глаза и лёгкий наклон головы, означавший:

«Заходи». Вот её светло-русые волосы (а надо отметить, что ещё в школе её темные волосы начали светлеть и из тёмно-каштановых превратились в светло-русые, хотя это обстоятельство только лишь усилило привлекательность Дунечки) упали с плеча, вновь собравшись в упругие локоны. Вот она устало прошла на кухню своей милой походкой ленивой кошки. И она действительно устала, Затюкин знал это, потому что тоже пришла с работы, но уже успела приготовить ему, Затюкину, ужин.

Отдел библиотеки, где работала Дунечка, был бойким местом, ни о каком, даже о минутном, отдыхе не могло быть и речи, заведующая строго следила за работой своих сотрудниц. Но Дунечке нравилось работать среди книг, хотя библиотечный институт не давал возможности получать приличную зарплату. Оклад у неё был немного меньше, чем у Затюкина, всего на десять рублей, но эта десятка была очень важна для них: она, всё-таки, спасала мужскую честь Затюкина.

Вот с такими мыслями и подошёл Затюкин к своей двери. Но что-то вдруг поразило его. Несомненно, это был запах котлет. Несомненно, он исходил из его квартиры! Чёрный червячок зашевелился в сердце, смутные догадки тяжёлым бременем опустили и легли на его душу. Почему котлеты? Сегодня же пятница, по расписанию должна быть тюлька, он сам её вчера купил. Может быть, он забыл какую-нибудь дату?

Нет, ничего не мог он вспомнить. Будто очугунела его рука, тянущаяся тревожно к звонку. Растаяли и следы его возвышенных звёздных мыслей. Чёрные дыры превратились в облачка сигарного дыма и тоже растаяли. Вот уже совсем другой Затюкин стоял перед своей дверью. Неуверенный в себе, пристыженный самим собою, укоротившийся вдруг на целых двадцать сантиметров! Звонок болью отозвался в сердце Затюкина. Но никто ему не открыл. С тревогой нажал он на ненавистную кнопку ещё и ещё раз.

Вот шаги, да, несомненно, это Дунечкины шаги. Но только что-то не то, кто-то ещё идёт за ней. «Может, подруга?» – промелькнула спасительная надежда. Но нет. Дверь распахнулась, и он увидел стоящую за спиной Дунечки свою тещу. Ох, как ненавистна была ему эта женщина! Ещё с самой их первой встречи в этом бренном мире.

Затюкин медленно вошёл, улыбнулся каменной своею улыбкою, которою он только и мог улыбаться своей теще. Он был горд. Он был беден, но горд. Именно поэтому как-то по-особенному горд, что беден. Тонкие сжатые губы и римский профиль Затюкина выражали непоколебимую твёрдость духа. Он не поцеловал свою жену, но и она не предприняла попытки поцеловать его.

– Может быть, ты, всё-таки, здороваешься с мамой? – растерянно начала Дунечка, но Затюкин неожиданно прервал её.

– Котлеты по пятницам могут подорвать наш семейный бюджет.

Тёща, весьма поражённая неучтивостью зятя, резко развернулась и с достоинством удалилась на кухню. Дунечкино лицо изобразило боль и ужас, а взгляд, сразивший Затюкина своей холодностью, был полон негодования. Да, я понимаю Дунечку. Но ведь и Затюкина, я думаю, поймут очень, очень многие.

О, если бы не присутствие этой ужасной женщины, Затюкин бы знал, что ему делать. Он бы нежно, но сильно обнял свою Дунечку, он бы расцеловал её, и продолжал бы целовать до тех пор, пока она не стала бы отвечать ему на его ласку. Он бы взял её на руки, наконец, и отнёс бы на диван.

А Дунечке нравились его мелкие шалости, она, смеясь, отбивалась бы от него. Особенно ей нравилось, когда он кружил её на руках по комнате. Тогда она крепко обнимала его за шею и тихонечко покусывала ему ухо от восторга. Волосы её, казалось, разлетались птицами по всей комнате, то распрямляясь, то вновь скручиваясь в упругие золотистые локоны.

Только присутствие этой страшной женщины сдержало Затюкина.

– Ты... Ты – жестокий, – всхлипнула Дунечка и ушла на кухню.

Увы, в этот момент Дунечка не была Дунечкой, она была Далилой.

Затюкин, сжав зубы и скрепя сердце, разделся, вошёл в комнату и бухнулся в кресло. Злой, голодный, обиженный он сидел и уже в сотый раз перечитывал рубрику «погода» в утренней газете о наступившем потеплении и о циклоническом характере погоды. Но вот в его поле зрения попала заметка о магнитных бурях, и он было зачитался ею, как вдруг из кухни донесся Дунечкин смех, больно уколотивший его.

Он вспомнил, что в дипломате лежит баночка мёда и пачка масла. «Масло!» – пронзила Затюкина внезапная мысль, – «Масло растает!». Необходимость идти на кухню стала терзать Затюкина. «В конце концов, я у себя дома!» – подбадривал он сам себя. С тяжёлым чувством неутраченной ненависти к этой ужасной женщине достал он из дипломата действительно начавшую таять пачку бутербродного масла и побрёл на волшебный запах котлет.

– Татьяне так идут эти «варёные»! – услышал он тётчино восклицание, подойдя к двери в свою семиметровую кухню.

«Опять «варёные», – испуганно подумал Затюкин. «Всего сто пятьдесят, почти даром! Мне так повезло!» – прозвенел в его ушах голос Наталии Константиновны, и тридцать семь рублей с копейками больно обожгли его самолюбие в том месте, где располагался карман.

Затюкин с отчаянным упрямством рванул на себя дверь, и обрывки фраз повисли в наэлектризованной тишине. Молча, с достоинством главы семьи положил он масло в морозилку. Более того, он решился на дерзость: волшебный, чесночно-пряный запах необыкновенных Дунечкиных котлет раззадорил его.

– Дуня, когда ты думаешь кормить своего мужа? – произнёс он сухо, но как-то по-особенному сделав упор на словах: «Дуня» и «мужа».

Тёща, неожиданно вспыхнув, вскочила с места и, после того как несколько раз отчаянно и беззвучно шевельнула своим ртом, наконец, всё-таки, прокричала с чувством:

– Далила! Моя Далилочка! Он называет тебя Дуней?! Он смеет называть тебя Дуней!?

Она повернулась, отшвырнув в бешенстве табуретку, и ринулась к двери вперёд всею своею пышною грудью. Дунечка бросилась за ней.

– Ты – Далила! Да-ли-ла!! – с искренним негодованием восклицала Затюкинская тёща. – А он – Затюкин! Затюкин!! – с остервенением кричала она, будто вытянутым указательным пальцем размазывала по стеклу сонную замешкавшуюся муху.

Через мгновение, даже не глянув на себя в зеркало, не застегнув шубу, резко повернувшись так, что полы шубы взлетели, словно крылья большой чёрной птицы, держа шапку в одной руке, а перчатки в другой, она выскочила на лестницу, ногой захлопнув за собой дверь. Дунечка ткнулась отчаянно в мягкую дверную обивку «под дерево» с золотыми кручёными ниточками, протянувшимися от одной жёлтой шляпки декоративного гвоздика к другой. Отчаянно же ударила по ней своим кулачком, затем, резко повернувшись, отчаянно направилась к своему обидчику.

Он же, то есть обидчик, стоял около плиты, спиной к двери и, согнувшись вопросительным знаком, отправлял целиком в рот ароматную котлету, с которой свешивались луковые колечки с капавшей на плиту подливкой. И полное негодования Дунечкино сердце смягчилось. Какие-то неподдающиеся описанию законы женской логики заставили умилиться нежное Дунечкино сердце и сжалиться над своим мужем. Он же, ещё не уловив перемены в настроении жены, окаменел вместе с котлетой, уже приятно щекотавшей язык.

– Ну ты же опять не вымыл руки! – совсем без гнева в голосе неожиданно для Затюкина произнесла жена.

Он, запихав всё же котлету в рот, медленно, не веря ещё доброму расположению жены, распрямился и, удивлённый, побрёл в ванну мыть руки.

Во время ужина Затюкин сидел какой-то прибитый, ожидая очередной «накачки» после посещения этой ужасной женщины. Но никаких выпадов в его адрес со стороны жены не было.

А когда Дунечка заварила чай, он очень кстати вспомнил про мёд, так что Дунечка его даже поцеловала. После этого он совсем отошёл от стресса, приободрился, и в его душе возник целый поток привычных мыслей, оглушивший его подобно Ниагарскому водопаду. Всё было в нём: нежная любовь к жене, восхищение ЕГО гениальностью, расширяющаяся Вселенная и его собственная, Затюкинская, теория гравитационного взаимодействия, а также многое, многое другое, о чём я, не желая раздосадовать читателя, упоминать не буду.

Умиротворенный и даже довольный жизнью, он помог супруге убрать в кухне и вымыл посуду. Разомлев от неживших его мыслей и неожиданного шикарного ужина, Затюкин погрузился в своё кресло напротив телевизора. Дунечка вошла в комнату за ним, включила телевизор, чтобы не пропустить «Сегодня в мире». Это была любимая их передача. Дунечку интересовало буквально всё: в каком платье сегодня выступает Корасон Акино, как это Маргарет Тэтчер удаётся обаять английских львов своей новой причёской, что носят в Париже, как одеты итальянские женщины и многое, многое другое.

Затюкина же интересовала техническая сторона: что где изобрели, какие новинки создали эти пресловутые закордонные корпорации, он даже пытался по внешнему виду определить некие секретные свойства этих новинок, но дизайн, хотя и отображал некоторые свойства, но чаще элегантно скрывал их. Он жадно всматривался в лица представителей корпораций, а вдруг промелькнёт на экране ЕГО лицо, вдруг... Хотя он прекрасно понимал, что личность этого ЕГО должна быть ещё большим секретом, чем ЕГО деяния. Он завидовал и вместе с тем не завидовал ЕМУ. Великий НЕИЗВЕСТНЫЙ, быть может, тоже получал маленькую зарплату, а работать ему приходилось под неусыпным контролем боссов, боясь, кроме того, быть похищенным их конкурентами. Многое отдал бы Затюкин, чтобы познакомиться с НИМ. Он чувствовал, что они очень похожи, что они – родственные души, хотя понимал ЕГО превосходство.

Дунечка села на колени к мужу и обвила его шею своими тонкими, но сильными руками. В этом доме наступил мир и покой. Тихое, ленивое счастье забралось в душу моему герою. Только... Ах нет, не могу, у меня больше нет сил.

ОТСТУПЛЕНИЕ.

Отпустите меня, ведь вам так хорошо вдвоём. Остановите это мгновение! Ну хотя бы дайте мне передохнуть немного! Вот уже вторую ночь вы не даёте мне уснуть. Днём я ещё могу отвлечься, побродить по улицам, потолкаться по магазинам. Поглядеть на газетные киоски. Но нет, вон у книжного прилавка мелькнула черная лисья шапка, из-под которой выплеснулись золотистые локоны. Печальные тёмные бархатные глаза обожгли моё сердце. Далила! Ты и днём не даёшь мне покоя. Мне не уйти от тебя. В море лиц я ныряю на улицу, чтобы скрыться от тебя. Но вдруг навстречу мне идёт двадцатипятилетний старичок. Ну что ты, Затюкин, не горюй! У тебя же есть звёзды! У тебя есть ОН, у тебя есть Дунечка, ты несметно богат, Затюкин. Выше голову, где твои звёзды?

Вот и вечер, туман светится неоновым светом. Пора домой, но я боюсь, боюсь оставаться одна. Я знаю, они снова ворвутся ко мне ночью и не дадут мне покоя. Вот и вторая бессонная ночь на исходе. Вы, вы сами требуете, чтобы я продолжала. Вы так жестоки, а ведь я вас люблю. Ну, что же, я продолжаю.

Итак, Затюкин и Дунечка смотрели телевизор. Не только смотрели, но и даже успевали поцеловаться между репортажами, пока обозреватель смотрел на них негодующим взглядом. Правда, его негодование было адресовано расистам ЮАР, но супруги несколько смущались его прямого взгляда и отворачивались или закрывали глаза.

– Ах! – восклицала Дунечка, – какая прелесть, это настоящий африканский батик, ты посмотри какие павлины, как я обожаю африканский фольклор! Какие краски, никакой химии, учти, феноменально! Ой, ну куда же его потащили-то бедного, прямо в машину!

Репортаж из ЮАР на этом оборвался, обозреватель стал что-то говорить о магнитных бурях, а супруги вновь поцеловались. Вот только этот, нонешний червячок зашевелился в сердце у Затюкина. «Не добрый вечер этта... – прогнусавил голос Варвары Никандровны. – Бури-то какие?! Маг-нит-ны-я!»

– А сейчас необычный репортаж, – с улыбкой проговорил обозреватель.

На экране появилась какая-то пушистая очаровательная зверятина, а директор то ли английского, то ли американского национального зоопарка с восторгом говорил о невиданном в истории случае появления потомства этой зверятины в неволе. А что же остаётся, не вымирать же! Под неумолчный клёкот кинокамер он взял в руки очаровательный мягкий комочек и стал взахлёб рассказывать о трудностях ухода за этим прелестным малышом.

Дунечкины глаза погасли. Печальку изобразило её лицо. Затюкин знал причину её печали. Но неужели она, всё-таки, не понимает его. Молчание было зыбким. Затюкин не выдержал.

– У меня сегодня аванс был. Вот, возьми, – деланно безразличным тоном произнёс он, протягивая деньги.

Дунечка встала, аккуратно пересчитала деньги и, вздохнув, положила в секретер. Гораздо было бы лучше, если бы она принялась причитать, кричать, ругать мужа за неспособность заработать деньги. Однако же она знала, что разрешение на совместительство у него на работе никому не выдавали, и Затюкин не был исключением, что муж её был до щепетильности честен и поэтому закон для него был свят. Дунечка уже почти смирилась с финансовой реальностью, лишь только при получении очередного аванса или зарплаты не могла пока ещё сдерживать вздоха. Более того, эти вздохи становились какими-то уж очень тяжёлыми и безысходными. Невыносимую боль терзали они нежную душу Затюкина.

В этот раз Дунечка что-то слишком долго задержалась у секретера. Затюкин обернулся и увидел, что по её лицу бегут слёзы. Она хотела было отвернуться от него, но было уже поздно. Дунечка почувствовала это и вдруг с вызовом посмотрела на Затюкина.

– У Татьяны уже сыну год, и «варёные» ей муж купил, – проговорила она с несвойственной ей какой-то чужой интонацией.

«Вот они, обнаружили-таки плоды посещения тёшеньки», – обиженно и даже со злостью подумал Затюкин. Он знал, что происки этой ужасной женщины всегда направлены на самое больное. Нежный, добрый, ласковый, ни разу не прошедший по растущей на газоне траве, Затюкин готов был убить это чудовище. Неожиданно возникшая на его лбу жёсткая вертикальная складка превратила его лицо в трагическую маску.

– Дунечка, младенцы же не едят тюльку! Чем же мы его кормить будем, сыночка нашего?

– Ах, Затюкин! Деточек грудным молочком кормят!

Нет, не мог даже представить себе Затюкин, что самое дорогое для него и его бесконечно любимой женщины существо должно будет мучиться в этом мире подобно ему. Что перед ним будут закрываться двери, и к нему будут поворачиваться спиной. Что и ему придётся терпеть унижение, стыд перед любимой женщиной. Нет, не мог Затюкин обрекать своего ребёнка на такое мучение. Не мог. Уж слишком у него была нежная душа.

А тяжёлая международная обстановка! А нарастающий дефицит продуктов питания! Затюкин чувствовал себя беспомощным в этом жестоком мире, и чем больше он бился и трепыхался безо всякого результата, тем ещё более беспомощней он чувствовал себя. Да, может быть, и проживёт он, мучаясь и любя, свою маленькую жизнь, и хватит ему на его век и леса и озёр, но ведь он умрёт, уйдёт из жизни, как дезертир, оставив на переднем крае самое дорогое ему существо. Но как, как всё это объяснить Дунечке! Да неужели же она и сама не видит, что среди современных школьников и наркоманы уже есть, да и всякая всячина, о чём с ужасом в своём гнусавом голосе довольно-таки регулярно повествует во дворе перед их подъездом Варвара Никандровна.

Этот мир, увы, не становится лучше. Зачем же кого-то обрекать на жизнь, мучительную жизнь на зыбучих песках жёсткого века экологических и социальных катастроф? Для того, чтобы покатать по двору красивую коляску, чтобы позабавиться с малышом? А что, что с ним будет потом, он же не игрушка, о которой можно забыть. Да отдаёт ли себе Дунечка отчёт о своих желаниях?

– Но Таня с Федечкой ведь как-то живут! – не ощутив и не поняв сложных душевных мук своего мужа, продолжала, всхлипывая, Дунечка.

– У Федечки папа – замдиректора по науке, и он не забывает о своём сыне, а мой отец считает, что я должен сам себе строить жизнь, в чём я с ним согласен. Да и Таня не в библиотеке работает, – раздражаясь непониманием жены процедил сквозь зубы Затюкин.

– Ну хорошо, а как же Галина, у неё же пятеро детей! – повторяла Дунечка заученные уже вместе с маменькой фразы.

Вот он смысл, а скорее бессмыслица тёщиной обработки. Вот они, зачем, котлеты-то. Всё у них уже продумано было. Ударила блажь в тёщину голову, а теперь вот терпи. А ведь она сама, случись что, и рублём не поможет, да и первого внука она только по телефону любит. Языком только молоть может, жену смущать. Спокойного нрава был мой герой, тихого, я бы даже сказала кроткого. Но кто же такое сможет вынести?

Знай наперёд, к чему приведёт всё это, может быть, он и сдержался бы. Да знал бы, где упадёшь – соломку бы постелил. Эх, жизнь. Вот и не выдержал Затюкин, взорвался. Тонкие губы его сделались ещё более тонкими, он решительно встал, безумно зажестукировал и почти закричал (это на Дунечку-то!)

– А вот ты пойд и спроси, каково ей столько детей кормить?! Вот пойд и спроси. Пойди и спроси... – и уже как-то обиженно и неуверенно ещё раз повторил. – Пойди и спроси.

Дунечка, никогда не видевшая своего мужа в таком экстазе, ошалело глядела на него несколько мгновений, но потом, будто очнувшись, вздрогнула, сорвалась с места и прямо в халатике выскочила из квартиры, хлопнув дверью. Да, надо отметить, что характер у Дунечки был ещё тот.

Оторопевший Затюкин застыл на месте в неопишуемой позе. Таких ссор у них ещё не было. Он не знал, что делать.

– Дунечка! – взвыл он прямо-таки по-волчьи и бросился к двери.

Нет, он не догнал её. Дверь Галины безапелляционно захлопнулась у него перед носом. Беззвучно рыдая и дрожа после бега, он медленно поплёлся домой. Ему оставалось только надеяться, что Дунечка успокоится и простит его. Она добрая, милая, она отходчивая, она выше меня во всём. Это я, я, недостойн её, самому себе отвратителен. Не кошки, леопарды впивались когтями в эту измученную, истерзанную душу.

Закрыв за собой дверь и сев прямо на коврик в прихожей, Затюкин в бесплодном гневе своём на кого-то бил кулаками о пол. Зачем это всё так, зачем? Ну выиграть бы что ли в лотерею! Ну продать бы что-нибудь! Да нечего.

– Разве что душу, – горько усмехнулся он. – Хоть сам вот возьми, да пойд и сдайся в комиссионку. Да не примут ведь. Кому такой нужен?!...

Тяжёлый, мучительный монолог этот вдруг был прерван каким-то непонятным шумом в комнате.

Затюкин вошёл в комнату.

То, что он увидел, поразило размягчённый его мозг, как удар молнии среди зимы. Пораженный, он не мог прийти в себя. Шторы вместе с тюлем взвились к потолку, необычайно сильный порыв ветра ворвался в комнату, натворив в ней изрядного беспорядка. Газеты смело на пол, да и другие бумаги не остались на своих местах. Шторы, видимо с порывом сильного ветра, смели на пол цветочные вазоны, так что керамические черепки вместе с землёй и поломанными цветами лежали у окна.

На улице вновь поднимался, завывая, ветер. Но это – детали. Главное же то, что в комнату через балконную дверь пытался влезть какой-то толстяк. Одна половина его была уже в комнате. Пыхтя, втягивая в себя живот, помогая себе руками и ногами, медленно, но верно втаскивал он вторую половину. Наконец, старания его увенчались успехом, и перед Затюкиным предстал солидный мужчина лет этак сорока, в волчьей шапке, в дублёнке, серых брюках, заправленных в сапоги. Одежда его выглядела не очень опрятно, хотя было видно, что вещи все были очень дорогие.

В левой руке у него был «дипломат». Вообще то, он производил впечатление старшего научного сотрудника, вернувшегося из командировки после подписания процентов. Вот только лицо его было каким-то незапоминающимся, однако, если говорить по совести, весьма добродушным, хотя и насмешливым. Глянув снисходительно на Затюкина, он хихикнул и прошагал мимо последнего, окаменело стоящего возле дверей, прямо в кухню, задевая всё на своём пути и всё же сметая.

Ну, например, задев «дипломатом» за стенку, он походя вырвал довольно-таки большой кусок обоев, даже не заметив этого. Зацепившись карманом за дверную ручку, вырвал её вместе с винтами да так, что она сама упала ему в карман. Затюкин же, немного придя в себя, бросился на балкон. Глянув вниз, он зачумлённо отпрянул. Голова закружилась. Закрыв балкон и задёрнув шторы, Затюкин пошёл в кухню. Неожиданный гость его уже и там производил значительный шум.

Хлопала дверца холодильника, гремели кастрюли и сковородки. Видно, явившийся незнакомец привык жить на шаромыжку и нисколько не смущался присутствием хозяина. Вот он сгрёб своей пятернёй с грязными обкусанными ногтями две оставленные на утро котлеты вместе с луковыми колечками и картинно отправил их в рот. Затем, вытерев грязную руку прямо о дублёнку, полез в холодильник за тюлькой. Бухнувшись на пластиковую табуретку так, будто бы та была дубовой, он поставил свой «дипломат» на стол и едва уловимым движением открыл пластмассовую плоскую банку. Видя это разорение, Затюкин гневно процедил:

– Я сантехника не вызывал.

На что гость отвечал искренним хохотом. Затюкин, сверкая глазами, стоял в дверях и смотрел, как незнакомец захватывал своими толстыми пальцами в массивных золотых вычурных перстнях с дорогими самоцветами нежные тюлевые тушки по несколько штук зараз и, искусно работая зубами и губами, вытаскивал изо рта уже только головки и косточки вместе с хвостовыми плавничками. Оторвав от нового, ещё не читанного Затюкиным номера журнала «Микропроцессорные средства и системы» яркую обложку, он складывал на неё тюлькины остатки. Этот факт особенно глубоко ранил Затюкина.

– Позвольте, – начал было весьма сентенциозно Затюкин. Но гость фамильярно перебил его.

– Чего торчишь тут, садись!

Затюкин не хотел садиться, да и неприятно ему было повиноваться этому шаромыжнику, однако же, на удивление самому себе, он смирно уселся на пододвинутую для него табуретку.

– По душу твою пришёл, – сказал гость и убийственно весело захохотал.

«Чёрный юмор», – отметил про себя Затюкин.

– Ты вот только сказал, а я вот он, пришёл. Сервис. Вызывали? Извольте! Получите, распишитесь. Хи-хи, – снова захохотал гость так, что прилипший к его бороде тюлькин скелетик затрепетал. – Чего нос от меня воротить, «*Satana sum et nihil humanum a me alienum puto*». Что значит в переводе с латыни: «Я сатана, и ничто человеческое мне не чуждо». Ха-ха-ха...

«Где-то это слышано, или читано», – начал вспоминать Затюкин, и нынешний червячок вновь зашевелился в его сердце.

– Может, ты уж и передумал душу-то продавать? А то как нет, так давай оформим, покуда «наши Машки полетели вверх тормашки», хи-хи...

«Он к тому же ещё и пошляк», – отметил про себя Затюкин. «Это он так о том, что Дунечка убежала».

– Одна ведь такая душа, как у тебя, Затюкин, стоит иной раз целого созвездия, – продолжал толстяк, отправляя в рот одну партию тюльки за другой.

«Так ведь он и всю банку очистит», – пронзила Затюкина ужасная мысль. – «Доколе же это продолжится?»

А дно банки уже забелело.

– Уж больно ты грозен, как я погляжу, – вновь поддел гость хозяина.

– Извольте... – начал было вновь Затюкин, но толстяк не дал вылиться его справедливому гневу. Он с любезным выражением на своей физиономии полез в «дипломат», как будто только и ждал этого слова от хозяина, повторяя нараспев: «Извольте, извольте».

На столе появились какие-то бланки на тонкой, почти папиросной, но высококачественной и, вероятно, очень дорогой бумаге. Они были в общем-то, обычными, почти как в комиссии, только вчитавшись можно было заподозрить нечто неладное.

– Вы уж не прогневайтесь, – насмешливо-жеманно заелозил толстяк. – Тамошняя бухгалтерия порядок любит. Ихний начальник строг больно. Вот туточки распишись и шабаш, и по карманам, ой, то есть по рукам, – продолжал он, сбившись снова на фамильярный тон.

Затюкин мрачно, с негодованием глядел на грязные, торчащие из засаленных рукавов руки незнакомца, пододвигавшие к нему бланки.

– Ну и сколько же вы там даёте мне за мою душу? – саркастично, с нескрываемым презрением к толстяку выдавил Затюкин, принимая всё это за чей-то очень глупый розыгрыш.

– Восхитительно, прелестно! Затюкин, ты далеко пойдёшь!

– Сколько? – почти злобно прозвучал Затюкинский тенор, срываясь на фальцет.

– Сумму назначает клиент, – учтиво проворковал гость.

– Пять тысяч, не меньше, – задохнувшись от осознания своей наглости, выпалил разом Затюкин.

Задыхаясь, толстяк зашёлся от смеха. Временами через издаваемое им шипение прорывались громовые раскаты. Даже средняя пуговица, окаймлённая обтрёпанной прорезной петлёй, вдруг вырвалась вместе с «мясом». Но гость не унимался. Он даже упал с табуретки на колени на пол, двумя руками держась за шапку. И в общем-то правильно, так как уже в следующую секунду на его голову упал его же «дипломат». Посуда звенела от его смеха. Да что там посуда, оконные стёкла вылетели, разлетевшись на мелкие кусочки, как брызги шампанского! (Но тут же появились новые стёкла...)

Наконец он потихоньку стал успокаиваться, поднялся с четверенек и как-то заполз на табуретку.

– Не буду я на твоей глупости наживаться. Потешил ты меня. – Пиши тут вот: десять тысяч, а тут вот – в месяц. Пиши-пиши, ха-ха-ха, и-и-и! – сдерживая приступы хохота, говорил с любезно-добродушной физиономией Затюкинский гость.

Неизвестно откуда взявшаяся в руках Затюкина ручка сама потянулась к бланкам. Сам же он ошарашенно глядел на неё и на бланки, на которых она его почерком ясно вывела: «Десять тысяч в месяц». И весь текст ясно прочитался ему: «Я, гражданин Затюкин, продаю свою душу за ежемесячно получаемую сумму в размере 10 000 (десять тысяч) рублей, или же десять тысяч ефимков, до самого последнего дня пребывания моего в этом мире».

«Ну и текстик», – подумалось Затюкину. «И фамилия-то моя уже впечатана. Вздор какой-то».

Толстяк быстро выдернул бланки из-под руки Затюкина, засунул один экземпляр в карман себе, а другой экземпляр в карман Затюкину.

– А что такое ефимок? – спросил растерянно Затюкин.

– Чему вас только в школе учили?! Эх, молодёжь! Монета это такая у нас, чтобы всё почестному было!

Удовлетворённо потирая руки, он встал, подошёл к окну и посмотрел вниз. Затем открыл форточку и вдохнул полной грудью.

– Время у нас ещё есть. Давай отметим, что ли, с Вашего позволения, так сказать, контракт. Хи-хи.

Затюкин с ужасом поглядел на сиротливо лежащую пару тюлек. Но толстяк не заметил его взгляда. Он основательно уселся на табурет, нагнулся почти под стол и достал из «дипломата» ... арбуз. «Чертовщина какая-то», – подумал Затюкин, – «не может такой большой арбуз поместиться в «дипломате». Да и вообще, всё это какая-то чертовщина. Чего это я с этим мужиком разговариваю. Выпихнуть его надо из квартиры. Ввалился, обои порвал, а они-то моющиеся, французские, по пяти рублей переплачивали. Да о чём это я?»

Тем временем толстяк смахнул с кухонного стола прямо на пол банку с двумя тюлочками, сковородку вместе с крышкой и подставкой, и даже фарфоровый чайник, вытер рукавом дублёнки стол и снова нагнулся к «дипломату». В одну минуту на столе появились необычайные яства, которых и директора универсамов давно уже не видали. Одних колбас сортов десять, и все натуральные, коих и названия-то теперь одни только старожилы помнят. Перепелов, запечённых в тесте, достал парочку прямо вместе с фарфоровыми вазочками для мелкой птицы. Затюкин и названий этих предметов сервиза не знал никогда.

Также неожиданно и быстро появлялись на столе рыба всяческих видов, икра, затем грибочки тушёные и солёные в фарфоровых же пузатеньких соусницах с крышечками. Очень поразил воображение Затюкина хлеб, видимо ещё тёплый, запах которого пересилил все остальные запахи, будто его только что из печи достали. Много ещё чего извлёк из своего «дипломата» толстяк, пока, наконец, не выпрямился и не глянул на стол. Немного подумав, он видимо, сообразил, что чего-то не хватает и, ещё раз нырнув под стол за бутылкой шампанского, аккуратно поставил её около себя и удовлетворённо оглядел всё вокруг.

– Ты на меня осердился, Затюкин, очень за котлеты. Да я не обидчивый. Налетай, миллионщик! Ха-ха-ха, – снова неприлично громко, но, всё-таки, как-то добродушно засмеялся толстяк.

Он открыл прекрасную фарфоровую с золотисто-голубыми цветами супницу, из которой сразу повалил пар. Несомненно, это была картошка пюре и, причём, горячая, что очень удивило Затюкина. Он всё ещё находился в каком-то тумане. Тем временем гость откупорил шампанское, налил в невесть откуда появившиеся хрустальные бокалы ароматный шипучий напиток. Сам чокнулся с бокалом, который он поставил возле Затюкина и, коротко хохотнув, выпил пузырящийся искрящийся напиток залпом. Затем бросил бокал на пол.

Зачарованный взгляд Затюкина следил, как открывались всяческие фарфоровые посудыны и из них появлялись то белые грибочки, то помидорчики, то огурчики. Колбасы и ветчины слетали лепестками с фарфоровых же тарелочек, на одной из которых он увидел Георгия Победоносца, скрещенные шпаги и написанную золотыми вензелями свою фамилию.

Вдруг толстяк замер, к чему-то прислушиваясь, потом, игриво хохотнув, принялся за арбуз. Несколько неуловимых движений ножа – и арбуз распался на толстые дольки. Толстяк, довольный своею работою, взял двумя руками кусок арбуза и, улыбнувшись так, что его толстые губы повторили форму этого же куска арбуза, принялся с шумом уписывать его, выплёвывая в разные стороны арбузные косточки. Кинув полуобглоданную корку в мусорное ведро, однако же, вовсе не оглядываясь, он опять нагнулся под стол. Корка, описав вовсе не физическую траекторию, точно влетела в мусорное ведро, стоявшее под раковиной, но, интересно, и, что особенно поразило Затюкина, дверца мойки была закрыта, однако она распахнулась перед коркой, а когда та удачно улеглась в ведро, аккуратно закрылась.

Пока Затюкин следил за этой арбузной коркой, толстяк уже достал ещё какую-то супницу и поставил её на стол. Весело подмигнув хозяину, гость невесть откуда взявшейся серебряной ложкой стал извлекать из этой супницы мороженое со свежей клубникой.

Вдруг он опять замер, опять к чему-то прислушиваясь. Затем засмеялся, будто задумавший какую-то шалость мальчишка. Высунув язык, облизал одним движением ложку, кинул её в раковину, взял «дипломат» и встал, как-то внутренне собравшись.

– «*Satana sum et nihil humanum a me alienum puto*». Ха-ха... – снова засмеялся толстяк.

Нет, я всё-таки, должна заметить, хотя это и некорректно с моей стороны, что толстяк этот льстил себе, потому как вовсе не был сатаной, был он всего лишь навсего обыкновеннейшим чёртом.

Несмотря на свою неприязнь, хозяин всё же пошёл проводить гостя, он даже бросился было к балкону, но был остановлен громоподобным хохотом. Справившись с приступами своего заразительного смеха, гость произнёс:

– Спасибо, золотой мой, я и по лестнице неплохо спущусь.

Затюкин, пристыженный и совсем потерянный, пошёл отворять дверь. Толстяк же, на мгновение сосредоточившись, вдруг опять коротко хохотнул, почесал одной ногой другую, вытащил из кармана дублёнки пачку сторублёвок и сунул её в руку Затюкину, затем засвистел весёленький незатейливый мотивчик и уверенно зашагал через распахнутую перед ним дверь.

– Прощай, береги себя, не скучай! Хвост пистолетом! Ха-ха!

Затюкин закрыл дверь. Звонко лязгнул язычок замка, заставив его вздрогнуть. Обрывки фраз, мыслей, образов парили лёгкими облачками в прихожей. Вдруг из-за двери раздался какой-то шум. Затюкин выскочил на лестницу. Многие соседи тоже приоткрыли двери, сначала несмело, а потом, по мере убеждения в своей безопасности и разгорания любопытства всё более и более. Наконец, многие даже вышли из квартир.

Что же они увидели?

Четыре человека в милицейской форме, два впереди и два позади, вели какого-то толстяка, уже в наручниках.

В руках у толстяка был «дипломат». Но, что поразило всех, так это то, что он бесшабашно насвистывал какой-то весёленький мотивчик. Но мало того, он вдруг, поднял руки, стал приветствовать жильцов дома, растянув рот в арбузной своей улыбке, будто бы он – президент какой-нибудь всемирной федерации, ну, например, борцов за право ловли рыбы в Рейне, или борцов за права американских евреев в австралийской пустыне, или ещё каких-либо борцов за что-нибудь. Это ещё не всё, он своим мягким задушевым баритоном стал наполнять подъездное гулкое пространство:

– Товарищи и граждане! Не забывайте, уходя, гасить свет! Не допускайте бесполезного вытекания воды из кранов! Регулярно проводите технические осмотры газовых плит. Берегите детей от влияния улицы! И улицу от влияния ваших детей!

Потом пошло уже и вовсе нечто несусветное, ну к примеру: «Мужья, уезжая в командировку, помните, женщины не любят одиночества!

Жёны! Отправляя мужей в командировку, помните, дискомфорт плохо переносится мужчинами». Ещё какую-то чепуху, даже не совсем пристойную. Выходя же из подъезда, ни с того ни с сего завёл, гримасничая, каким-то козлиным тенором:

«Наши Машки, наши Машки,

Полетели вверх тормашки,

Эх, эх, эх!»

Жильцы, растерянно пожимая плечами, стали расходиться по квартирам, чтобы лучше увидеть из окна окончание этой истории. Хотя итак было ясно, что внизу стоит машина, и что дальнейшее зрелище всего-то и будет состоять в том, что этого толстяка впихнут в машину и

увезут куда следует. Но не все, не все разошлись. Варвара Никандровна с неизвестно откуда взявшейся прытью выскочила из подъезда вслед за милиционерами.

Вдруг Затюкина пронзило. Он нащупал в кармане хрустящую шелковистую бумажку, а в руке своей увидел пачку сторублёвок.

«Да что же это такое, – пронеслось у него в голове. – Неужто и вправду чёрт это был? Может, ворюга какой-нибудь мне краденое сбагрил? Чертовщина какая-то. Так и в Новинки недолго попасть. Душа моя...»

Что-то холодное, пустое в груди своей почувствовал Затюкин. Страшно. А страха нет.

«Что же это такое?»

Выскочив из подъезда, он чуть не сбил с ног дотошную Варвару Никандровну, приготовившуюся уже осенить всех крестным знамением.

– Душа! Душечка-а-а! – заорал, что было сил, Затюкин вслед удаляющейся к машине процессии.

Люди в форме оглянулись на этот крик. В это мгновение Варвара Никандровна осенила-таки всех крестным знамением и пропела осанну на всякий случай. И в это же мгновение толстяк исчез вместе с наручниками. Раздосадованные ребята в милицейской форме бросились было за угол, да сами удивились своей глупости – следов-то нет! Возбуждённо обсуждая происшедшее, они ещё раз собрались в том месте, где произошло исчезновение толстяка. Варвара Никандровна испуганно сбежала к себе в квартиру, не переставая ни на мгновение креститься. Запершись на все свои засовы и цепочки, она потом ещё две недели не выходила из дома.

Но вернёмся к месту происшествия. Четверо молодых парней ничего не понимая смотрели на оборвавшиеся следы, как вдруг произошло ещё нечто. А именно, в то самое место, где стоял за мгновение до своего исчезновения толстяк, и куда все вместе смотрели вызванные оперативники, упали закрытые наручники. Да, странно. Станный был вызов.

Позвонил некий гражданин Губаревич, сообщил, что видел, как в доме напротив на балконе четвёртого этажа появился подозрительный мужчина, который затем проник в квартиру. Каким образом он появился на балконе, гражданин Губаревич объяснить не мог, так же, как никто из группы задержания не мог объяснить и исчезновения этого толстяка. Страсти улеглись. Машина уехала. Только Затюкин всё ещё стоял на крыльце как был: в домашних тапочках, в стареньких, студенческих ещё, штроках, в свитере со спущенными кое-где петлями, которые незачем было поднимать по причине ветхости всего свитера. Невидящими, пустыми глазами уставился он в пространство перед собою.

Затихло всё вокруг, только ветер продолжал набирать свою силу и разгонять туман. Медленно, ничего не понимая, поднёс Затюкин к глазам своим пачку сторублёвок.

– Нет, не может быть. Что – это? Я не хотел. Вернись, отдай! Я не хотел! – шептал почти обезумевший Затюкин. Вдруг он бросился на колени и возопил, воздев руки к небу.

– Душа моя! Душечка... Я не хотел!

На крик его, накинув старенькое Галино пальтецо выскочила Дунечка. Она бросилась к нему и испуганно зашептала.

– Я здесь, твоя Дунечка здесь!

Но он не видел и не слышал её. Он бормотал что-то бессвязное и вовсе уж несуразное о каких-то грибочках, колбасках, арбузных корках, фарфоровых супницах, да и ещё, уж воистину – чёрт знает о чём. Дунечка отчаянно пыталась привести его в чувства.

– Тюка, милый, ну что с тобой! Ну прости меня. Я тебя люблю, Тюка. Я всегда тебя любила. Ну очнись, ведь я же рядом, рядом с тобой. Тюка... – молила она.

Ветер развивал её золотистые волосы, пальтецо совсем уже сползло с плеч и, наконец, упало. Она опустилась на колени рядом с Затюкиным, неустанно целуя его и говоря ему всякие нежности, но он не слышал её.

Слёзы покатались у неё из глаз. Она вдруг в отчаянии изо всех сил стала трясти мужа, но тщетно. Он всё нёс какую-то чепуху о свежей клубнике, мороженом и так далее.

– Любимый мой, Тюка, ну вставай, здесь холодно, пойдём домой! Ну что же это с тобой случилось? Ну прости же ты меня! – приговаривала Дунечка, пытаясь поднять мужа на ноги.

Сама она несколько раз падала. Даже разбила коленку, но крови своей не заметила. Наконец, ей таки удалось поднять с колен Затюкина. Она нагнулась, чтобы поднять Галино пальтецо, но вдруг с ужасом застыла согнувшись. У неё на глазах ветер вырвал из обессиленной кисти Затюкина пачку сторублёвых бумажек и закружил ими хоровод вокруг них. Дунечка распрямилась и испуганно смотрела на этот денежный вихрь. Сторублёвые новенькие бумажки носились повсюду, обозначая места завихрений ветра своим скоплением.

Затюкин, ослабевший от напряжения и от всего пережитого за этот вечер, стоял и бессвязно бормотал что-то необъяснимое о душе, о бланках, о проклятых деньгах. Дунечка, сама изрядно уставшая и поражённая всем произошедшим, крепко обняв Затюкина, поминутно всхлипывая и глядя ничего не понимающими глазами на деньги, пыталась повести домой своего супруга. Он же едва переставлял ноги. На счастье, в этот момент выбежала Галина.

– Далила, ты же замёрзнешь... – начала было она, но вся обомлела при виде бумажного вихря, в котором даже не сразу узнала сторублёвые купюры.

– Что это? Что здесь произошло? – ни к кому не обращаясь, произнесла она растерянно.

– Галя, Галчонок, помоги мне, у него, наверное, жар. Это я, я виновата, он же такой нежный, а я, я, – не переставая всхлипывать, говорила Дунечка. – Он же у меня слабый, ему нельзя болеть... а я... Я – глупая. Ну что с тобой, Тюка, милый, ну ответь мне. Это же я, твоя Дунечка...

Галина бросилась помогать Далиле. Вместе они повели Затюкина, который ещё невесть что возбуждённо бормотал, домой.

– Ты не беспокойся, Далила, за деньги-то. Я девчонок своих выпущу, они вмиг соберут, все до единой бумажки, не волнуйся.

Действительно, отведя вместе с Далилой Затюкина домой, Галина быстро спустилась вниз и, одев потеплее, выпустила своих девчонок. Они, смеясь и падая в мягкие сугробы, гонялись за радужными бумажками, которых раньше никогда не видели. То-то было весело. Но вот они и набегались, пора домой. Румяные, запыхавшиеся от бега и хохота, девчонки захотели непременно сами отдать тётке бумажки.

Галина не устояла, они вместе, всей своей шумной компанией появились в прихожей перед Далилой. Она же, ойкнув, приняла деньги, совершенно ничего не понимая и к тому же ещё сражённая тем, что она увидела в своей кухне. Особенно тем, что там были именно грибочки, мороженое и арбуз, о которых упоминал Затюкин. Однако же она приказала всей компании раздеться и повела девчонок на кухню. Галина, с извиняющимся лицом последовала за ними. Весело и особенно не раздумывая, налетели малышки на невиданные ими никогда яства. Особенно понравился им необычный хлеб и мороженое с кусочками шоколада, масла и орехов.

Наевшись и перепацкав изрядно в мороженом свои весёлые румяные с мороза личики, они также шумно и естественно потянулись в прихожую, устроив и там маленький табор. Подталкивая друг друга и успевая при этом играть в догонялочки, они, наконец, оделись и последовали за старшей сестрой, с которой Галина передала мужу, чтобы он всех немедленно уложил спать. Конечно же, Галина ещё успела дать указания насчёт каждой из них: у кого нужно горлышко посмотреть, кого нужно под душем помыть, кому бельё поменять и проч., проч.

Оставшись наконец с Далилой на кухне, она вопросительно посмотрела на посуду, деньги, потом на Далилу. Далила же только пожалала плечами. Да, ситуация... Но Галина была женщиной практичной.

– Ты, Далила, возьми завтра в милицию сходи, узнай, не пропадала ли у кого такая сумма? А хотя знаешь, у честного человека такой суммы быть не может. Не ходи никуда. Может, раз

в жизни так повезло. Ты положи эти деньги на книжку. Родишь вот ребёночка, ох как пригодятся! Коляска – сто двадцать, кровать – тридцать, как пелёночка – так рубль, а то и полтора, а одеяльце, а шубка, шапочки! Нет, не носи никуда деньги. Ты только подумай, какие будут расходы! Уж я намаялась, а ботиночки, а сапожки, да ещё хорошо, когда в магазине есть всё, а то не будет. Так переплачивать этим спекулянтам. Сама оденешься, наконец, ты ж молодая женщина, красивая, тебе по моде надо одеваться. Деньги никогда не помешают, – рассудительно говорила Галина. Но, вдруг, осторожно спросила.

– А Затюкин твой что говорит? Чьи деньги?

– Говорит, что его, – задумчиво уставившись в фарфоровую пустую тарелку с голубыми золотистыми цветами, безучастно отвечала Далила.

– Ну, ты всё равно позвони, может его куда впутали. Сейчас строго.

– Да не такой он у меня человек. Он же у меня честный! Ему однажды кассирша в «Столичном» рубль лишней дала. Так он обратно, дурак, повёз. Ты же знаешь, они там сами рубли недодают, ждут, когда покупатель мелочь возьмёт и отойдёт. А потом доказывай, да ещё если сразу вспомнишь. Ох, видела я этих несчастных колхозников, аж плакали стояли. Они за эти рубли на Комаровке целый день мёрзли. А мой, гляди-ка, какой честный, рубль назад этим химерам повёз. Они на него как на чумного, наверное, смотрели.

– Да... Ну я так, на всякий случай, – смущенно оправдывалась Галина. Потом она, как-то ещё больше смутившись и покраснев, заговорила опять. – Далила, раз дело такое, понимаешь, мне сегодня две шубки Макаровна предлагала, по пятидесяти рублей. У меня денег, какое там, в долгах сижу. Может, пока тебе не очень надо, ты бы одолжила мне сто рублей, а? Я верну, верну, за мной не станет. У мужа получка скоро... – тут она осеклась.

– Конечно, конечно, бери, да больше возьми, вон их там сколько! – оживлённо заговорила Далила, пододвинув к ней деньги.

– Нет-нет, – Галина категорично отодвинула деньги. – Только одну бумажку. Прямо сейчас вот к Макаровне побегу, а то ведь завтра же продаст. Шубки-то какие... У меня девчонки аккуратные, потом и в комиссионку сдать можно. Натуральные всегда возьмут.

– Да, – опять растерянно протянула Далила.

– Ну тогда я пошла, – Галина решительно встала, быстро оделась и вышла.

Далила закрыла за ней дверь. Громко щёлкнул замок, заставив её вздрогнуть. Она прошла в комнату, где сидел в кресле Затюкин. Чай на журнальном столике уже остыл, но Затюкин и не прикасался даже к нему. Уперевшись бесчувственным взглядом в то место, где стоял телевизор, он даже не взглянул на вошедшую в комнату жену. Далила, почему-то боясь нарушить тишину, на цыпочках подошла к телевизору и выключила его. Но, Затюкин, казалось, даже не заметил этого.

Тогда Далила, опять-таки на цыпочках пошла в кухню и принесла журнал «Микропроцессорные средства и системы» с вырванной обложкой, который Затюкин не успел ещё прочитать, тот самый. Но и на журнал глядел он холодно. Далила закусила губу и с отчаянной надеждой обратилась к мужу.

– Я тебе из библиотеки статью принесла про Козырева. Ты просил меня, Тюка!

Но Затюкин безучастно смотрел на телевизор и ничего не отвечал. Далила опять включила телевизор, затем растерянно побрела на кухню и, усевшись там около окна, некоторое время проплакала. Слезы не принесли ей облегчения. Совсем потерянная, почувствовавшая вдруг какое-то невыносимое одиночество, она вновь побрела к Затюкину, в надежде успокоиться подле него. Муж её сидел всё в той же позе. Далила опустила прямо на ковёр и обняла мужа за ноги, вдруг как-то придавленно всхлипнув:

– Тюка, милый, я люблю тебя! Ну что же с тобой случилось?!

– Не надо, Далила, – сухо ответил Затюкин.

По телевизору шла их любимая передача. Обозреватель что-то говорил о магнитных бурях. Ну, вот и всё.

P.S. Всё. Может быть, вы, наконец, отпустите меня? Ведь вы же получили, что хотели! Ты, Далила, получила деньги. А ты, Затюкин, получил любовь своей жены и покой. Что же вам ещё надо? Хватит. Я три ночи не спала. У меня, в конце концов, тоже есть личная жизнь. А вас я не осуждаю, о нет.

Часть 2

(Часть 2-я, в которой инженер Затюкин предпринимает поход к шаману чтобы вернуть свою душу, и в которой он встречает ЕГО, время действия 1984 – 1986 годы.)

Далила обреченно пошла на кухню, автоматически пересчитала деньги, записала результат – три тысячи триста сорок рублей. Вокруг был изрядный беспорядок, и она принялась за уборку. Аккуратно расставила новые фарфоровые тарелочки, пиалочки, супницы, подставки, селёдочницы и всякое другое посудное многообразие, виденное ею только на страницах исторических иллюстрированных изданий. Выметая мусор, она обратила внимание на белую тонкую, похожую на документ, бумажку и подняла её. Почувствовав на себе чей-то взгляд, она подняла глаза. В дверях стоял Затюкин.

В его глазах она прочитала ужас и незнакомую ей нервную агрессию. Она инстинктивно отскочила от него к окну и раскрыла бумажку. Но не успела она прочитать и слова, как Затюкин с проворностью молодого леопарда вырвал злосчастный кусочек бумаги из её рук и стал рвать.

Но странное произошло дело. Рвать-то он его рвал. Да вот порвать не мог. И чем больше он старался, тем более комичными были его потуги. Разъярённый до беспредела, Затюкин схватил спички и попытался сжечь эту ненавистную ему бумажку, однако странным образом спички не зажигались, а если и зажигались, то бумажка почему-то не горела. Далила стояла в оцепенении, глядя на своего правоверного, готовая от страха забиться в угол и рассмеяться одновременно. Оставив свои неудачные опыты с поджиганием, Затюкин, наконец, обратился к более проверенному жизненным опытом способу. Он с силой рванул дверь в туалет и, скомкав напоследок бумажку, бросил её с остервенением в жерло унитаза и с облегчением спустил воду в бачке.

Готовый уже покинуть данное заведение, он бросил прощальный взгляд на заканчивающийся бурлить поток – и остолбенел: как ни в чём не бывало документик лежал на водной глади, покачиваясь и расправляясь прямо на глазах у Затюкина. Ему ничего не оставалось делать, как только, кривясь от отвращения, залезть в унитаз и достать оттуда свидетельство своего позора.

С хладнокровным спокойствием он стряхнул капельки воды обратно в унитаз и размеренным шагом подошёл к окну, где ещё стояла, готовая рассмеяться, Далила. При виде решительного Затюкина она изобразила на лице страх и почтение. Затюкин молча отстранил её от окна, открыл форточку и выбросил листок несгораемой и непотопляемой бумаги. Он медленно, как кленовый лист в тихие осенние солнечные дни, скрылся в темноте, окружаемый роем снежинок.

Гордо подняв голову, Затюкин с достоинством удалился из кухни. Ну и зря. Хотя, может быть, и нет. Далила проводила его почтительно взглядом, но, не зная, как себя вести дальше, опять повернулась лицом к окну. Она зачарованно смотрела вниз, на падающий снег, ласкаемый легкими вздохами ветра, на свет фонарей внизу, на выглядывающую из-за соседнего дома луну. В кухне стало прохладно, и она решила закрыть форточку. Бросив мимолётный взгляд в открытое пространство, она почувствовала порыв ветра на своём лице, и внезапно, вместе с пушистыми и колючими снежинками, прямо ей в лицо влетела нежная шелковистая бумажка.

Она тихо взяла её в руки, прижала к груди, с опаской оглянулась на дверь и, не найдя там признаков присутствия Затюкина, начала читать.

Это было письмо. Это было очень интересное письмо. Всё было в нём гладко и ясно написано. Вот только, всё равно, какое-то оно было странное, хотя бы в том, с какой навязчивостью оно стремилось попасть к ней в руки. Далила ещё раз пробежала его глазами. Нет, всё правильно, всё сходится. «Ну надо же, – подумала Далила. – Так, всё-таки, признали, всё-таки, оценили. Мой муж – гениальный изобретатель, ему даже премию за изобретение дали, а он скрывает. Какой он у меня скромный!»

Она положила документ на холодильник и пошла в гостиную, где её правоверный отрешённо смотрел в окно телевизора. Далила торжественно прошла через всю гостиную и встала прямо перед своим мужем. Ласково-торжественно она произнесла:

– Сашенька! – Затюкин оцепенел от ужаса, удивления и страха. Впервые в жизни она назвала его по имени. Его действительно звали Александр. Как Македонского. – Какой ты у меня скромный, какой ты у меня умный! Как ты мог скрыть от меня такое событие! Это же ведь мечта всей твоей жизни! Я поздравляю тебя!!! – она обвила руками его шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.